

15. Исторический очерк Турьинского горного училища // Уральский техник. 1910. № 3. С. 51-54.

16. Климаков С.А. Развитие профессионального образования на Урале в 60-е гг. XIX в. - феврале 1917 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2001.

17. Кошман Л.В. Профессиональное образование // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 229-243.

18. Постников С.П., Фельдман М.А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900-1940 гг. Екатеринбург, 2004.

19. Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург, 2011.

20. Ячевский Л.А. Статистика среднего и низшего горнотехнического образования в России // Горный журнал. 1911. Т. 3. № 7. С. 110-114.

УДК 908

ББК Х.3(2)614

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

С.И. Дубинин

Самара

**«ДЕЛО СДАТЬ В АРХИВ»: ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ НА УРАЛМАШЕ В
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: УРАЛМАШ, политическая история, репрессии, ИТР, доноительство, архивы.

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются особенности практики политических репрессий на УРАЛМАШе в отношении инженерно-технических работников среднего звена накануне «Большого террора».

S.I. Dubinin

Samara

**«THE CASE TO FILE»: PRACTICE OF POLITICAL
REPRESSION ON URALMASH IN THE FIRST HALF OF
THE 1930S**

KEYWORDS: URALMASH, political history, repression, engineers, whistleblowing, archives.

ABSTRACT: The paper analyses the characteristics of political repression at Uralmash against the engineers middle level before the "Great Terror."

Восьмидесятилетие Уралмаша (УЗТМ), отмечаемое в июле 2013 г., вновь возвращает исследователей к осмыслению аспектов его начальной истории, отмеченной противоречивыми явлениями, в частности связанными с трагическими судьбами многих первостроителей, пострадавших в ходе политических репрессий 1930-х гг. Сакраментальной фразой «Дело сдать в архив» завершались выписки из протоколов по рассмотрению дел репрессированных уралмашевцев, длительная работа по реабилитации которых воплотилась в серию весомых публикаций, но еще далеко не завершена.

Первые трудные пять лет существования УЗТМ как предприятия (1931-1935 гг.) после выделения его из Уралмашинстроя (1928-1931 гг.) были связаны со многими проблемами становления и форсирования производства. Общественно-политическая ситуация на УЗТМ и околзаводская атмосфера начала 1930-х гг. были пронизаны разоблачениями «вредителей», «оппортунистов», «двурушников», «шпионов», «классово чуждых и враждебных элементов», проецируя соответствующие масштабные акции по СССР, начиная с «шахтинского дела» 1928 г., дела «промпартии» 1930 г., «дела Востокстали» 1931 г., процесса над «Метро-Виккерс», партийной чистки и дела «вредителей на электростанциях» 1933 г. и др. Исследователи упоминают череду крупных репрессивных акций по УЗТМ, например, в июне 1934 г., когда было арестовано 45 инженеров [6. С. 78-79].

Штамп радикальной идеологической борьбы и риторика сопутствующих публикаций в периодике УЗТМ формировались и санкционировались партийными функционерами, в особенности пришедшим весной 1934 г. на должность секретаря заводского парткома, а затем Сталинского райкома ВКП (б) и в редколлегию заводской газеты Л.Л. Авербахом (1903-1937) - яростным вдохновителем репрессивных сценариев. Апофеозом «авербаховщины» стало выступление нового парторга УЗТМ на грандиозном политическом процессе в Свердловске летом 1934 г. по делу о пожаре кузнечно-прессового цеха УЗТМ в декабре 1933 г., свидетелем которого он лично не был [4], а также абсурдное решение суда о причислении к «контрреволюционной террористической организации» скончавшегося еще до инцидента главного инженера В.Ф. Фидлера (1882-1932).

Иррациональность репрессивных действий власти, демонстрирующей тесную связь партийных и карательных органов, проявлялась в повсеместном разрушении новых социальных структур, которые сама же политика «социалистического наступления» и была призвана создавать [11. С. 4-8]. Репрессивная деятельность ОГПУ-УНКВД постепенно охватывала также средние и низшие слои инженерно-технических кадров Уралмаша, т.е. той их части, формирование которой было связано с особыми трудностями в ситуации «кадрового голода» быстро растущего уникального многопрофильного производства, каковым являлся УЗТМ. Происходила подмена главного лозунга второй пятилетки «Кадры, овладевшие техникой, решают все!» упрощенно-управленческой манипулятивной интерпретацией «Кадры решают все!», которая позволяла оценивать в первую очередь политическое лицо работника, следование «генеральной линии», готовность выполнить поставленную задачу административно бездумно и любой ценой, подавляя свои инициативность, мнение, предприимчивость. Аксиоматичная правильность «генеральной линии» сводила ответственность за неудачи к «виновности» самих этих кадров, то есть к кадровой проблеме как феномену организационного сверхмеханизма [11. С. 93].

Исследования историков и краеведов по кадровым чисткам и репрессиям на УЗТМ 1930-х гг. еще достаточно фрагментарны и тормозились длительной недоступностью и невозможностью публикации архивных материалов. Одна из таких типичных практик воплотилась в объединенном «деле Котова и Стрельцова» начала 1935 г. инспирированном по отработанному сценарию на основе частного (личного) доноса в Свердловское УНКВД [1].

Детальные исследования феномена доносительства в сталинском СССР, появившиеся лишь в последние годы, отмечают, что политдоносы непосредственно в НКВД становятся заметным социальным явлением только в эпоху «Большого террора», но вся кампания политически стимулируется и набирает обороты постепенно (призывы к «бдительности» в прессе, реформа системы партконтроля 1934 г., директивы ЦК ВКП(б) в связи с убийством Кирова и о новой проверке партдокументов и др.) [10. С. 112, 126, 146]. Кристаллизация доносительства с середины 1930-х гг. как одной из базовых советских политических практик и компонентов

террора, воплощавших властное насилие, обращалась к разным сторонам жизни, в особенности на производстве, где это явление в частности смогло «серьезно затруднить жизнь руководителям среднего звена» [10. С. 330]. Доносительство стало официально поощряемым инструментом как управления, так и карательной политики первой половины 1930-х гг. - «прелюдии» к развертыванию массовых репрессий [11. С. 10, 67].

Главная фигура рассматриваемого дела - начальник сетей и подстанций ТЭЦ УЗТМ инженер-электрик Владимир Илларионович Котов (1908-1939), один из первостроителей и руководителей среднего звена [5. С. 2]. Родившись в семье кустика-столяра, не вступив в комсомол, он не соответствовал критериям «выдвиженца». Поступив на Уралмашстрой осенью 1929 г. техником по проектированию, имея полное школьное образование, диплом самарского электротехникума и опыт работы на Сарапульской ГРЭС, он активно участвовал в прокладке ЛЭП на строящийся комбинат, затем работал электротехником, инженером по сетям, а с пуском в 1932 г. заводской ТЭЦ в ее руководстве. В июне 1931 г. В.И. Котов был принят кандидатом в члены ВКП(б), в мае 1933 г. получил звание ударника, комнату в элитном жилфонде Соцгорода на ул. Ильича. В первой половине 1934 г. В.И. Котов был командирован в Германию на фирмы-партнеры УЗТМ «KruppAG» и «DEMAG» для освоения электротехники, значительно повысив свой профессиональный потенциал [7. С. 16].

В протоколах собраний партийной ТЭЦ, которую решением «авербаховского» парткома УЗТМ с ноября 1934 г. возглавил В. Коротовский, за вторую половину 1934 г. отмечены активные выступления вдохновленного впечатлениями от организации производства в Германии В.И. Котова с критикой халатности, плохой дисциплины, отсутствия ухода за агрегатами электростанции и т.п. [2. Л. 150, 156, 158]. В последний раз его выступление на партсобрании в защиту исключаемого из ВКП(б) коллеги - И.И. Плотникова датировано началом января 1935 г. [3. Л. 34].

В январе 1935 г. уполномоченный Свердловского УНКВД рассмотрел заявление «о контрреволюционных террористических настроениях» В.И. Котова от Е.С. Стрельцовой, работницы спецраспределителя треста нарпит, члена ВЛКСМ и «группы сочувствующих». В последовавшем через месяц постановлении на арест

В.И. Котова констатировались его резкие контрреволюционные террористические настроения в разговоре с Е.С. Стрельцовой на вечеринке в декабре 1934 г., посвященной дню рождения ее супруга – М.Л. Стрельцова, инженера сетей и подстанций УЗТМ, подчиненного В.И.Котова. В пространном заявлении и на первом допросе Е.С. Стрельцова, знакомая с В.И.Котовым только с лета 1934 г., обнаружила неожиданно большое количество сведений, как о личности подследственного, так и фактов, «изобличающих» его, которые все неожиданным образом якобы укладывались в монолог в личной беседе с ней на вечеринке. Часть информации оказалась известна ей со слов мужа. Среди прочего такие очевидные для дознавателей аргументы для обвинения В.И. Котова по ст. 58 (10) УК РСФСР как: осуждение коллективизации, клевета на партию и ее политику, измышления о голоде на Украине, призыв к неизбежному террору против партаппарата, восхваление фашистского режима в Германии. Эти аргументы Е.С. Стрельцова подтвердила и на очной ставке с обвиняемым.

В материалах дела обращает на себя внимание, что на втором допросе Е.С. Стрельцова оказалась замешанной в разбирательстве с махинациями с продовольственными карточками для военнослужащих. После введения продовольственного нормирования в 1932 г. дело о «вредительстве» в Свердловском НАРПИТе прозвучало в 1933 г. в контексте расследования о хищениях его начальника – Горкуши и было затем политизировано в местной партийной публицистике [7. С. 14].

Супруг заявительницы Михаил Лукьянович Стрельцов (1903-1944) на допросах, не причисляя себя к близким знакомым своего начальника, не настаивал на аргументах супруги и на необходимости обращения в НКВД, даже отговаривал ее от заявления, постоянно ссылаясь в вопросах о Котове на «слова жены». Примечательно, что М.Л. Стрельцов отмечен в материалах дела как исключенный в 1933 г. из ВКП(б) «политически близорукий и сочувствовавший троцкистам», бывший секретарь партячейки и заместитель секретаря парторганизации Свердловского энергоинститута, где он обучался. После «невнятного» поведения на следствии в отношении В.И. Котова он сам попадает в сферу интересов дознавателей в контексте «чистки ИТР».

Важной фигурой следствия, поддержавшей и расширившей обвинение, был знакомый В.И. Котова с 1930 г. его сосед по квартире и подчиненный А.Н. Левшин, техник сетей и подстанций УЗТМ, через которого он сблизился со Стрельцовыми. На допросе и активнее на очной ставке он добавил аргументы о скрываемом Котовым классово-чуждом происхождении, об общении с местными церковниками и о восхвалении фашистской Германии. На апрельском партсобрании ТЭЦ по «делу Котова» Левшин, известный также своими выступлениями в заводской прессе против «вредителей», повторил эти доводы.

Эти факты позволяют предположить, что супруги Стрельцовы уже находились в «оперативной разработке» в УНКВД, а многосемейный Левшин мог иметь интерес в отношении жилплощади своего начальника. Кроме того, А.Н. Левшин также находился в поле зрения УНКВД как бывший участник Кронштадского восстания 1921 г., исключенный из ВКП(б) в ходе партчистки 1929 г., но затем в 1932 г. восстановленный в партии.

Предъявленное в марте 1935 г. обвинение В.И. Котов отрицал и попросил сделать протокольное добавление: «Я имею основания предполагать, что показания Левшина и Стрельцова относительно меня не беспристрастны, т.к. последнее время особенно и тот и другой имели от меня большие неприятности по службе как подчиненные мне по службе». Следователь А.В. Казанский при этом проявил достаточную «объективность», посчитав недоказанным причастность В.И. Котова к контрреволюционной террористической деятельности, что грозило осуждением по более строгой статье 58 (8) УК.

Показательны сценарий и опережающая хронология действия партийной и затем полицейской частей «комплексной» репрессивной машины. В конце марта 1935 г., т.е. до утверждения начальником УНКВД И.Ф. Решетовым обвинительного заключения В.И. Котову и закрытия дела, одновременно в партком УЗТМ и в УНКВД поступила секретная выписка из февральского протокола партколлегии КПК (ее центральный аппарат с февраля 1935 г. возглавил Н.И. Ежов) по Свердловской области. Еще до завершения следствия и предъявления В.И. Котову обвинения, сформированного начальником 1-го отделения СПО УНКВД А.В. Казанским, она уже содержала обвинение его в «сочувствии зинovieв-

ской группировке и клевете на партийное руководство» и постановление об исключении «из рядов ВКП(б) как двурушника». Обвинение по ст. 58 (10) УК РСФСР уже учитывало исключение В.И. Котова из ВКП(б) «по настоящему делу» и сводилось к констатации ведения им «систематической антипартийной пропаганды в направлении: а) распространения клеветнических измышлений на партруководство и генеральную линию партии; б) пропаганды террора; в) идеализации фашистской Германии».

М.Л. Стрельцов обвинялся в приговоре, где снисходительно маркировался как «сын рабочего» (в действительности его отец был машинистом в Бакинском пароходстве) на фоне классово-чуждого «сына кустаря» В.И. Котова, по ст. 58 (12) УК «в том, что: а) не сделал в соответствующие учреждения заявлений, которые обязан был сделать, о контрреволюционной террористической деятельности Котова; б) воздействовал на свою жену Стрельцову, стремясь удержать ее от подачи заявления». Он был осужден на три года высылки в Узбекистан (Коканд), куда вскоре по иронии судьбы последовали и сам доноситель - его супруга Е.С. Стрельцова и вся семья.

Заочно на партсобрании ТЭЦ в начале апреля 1935 г., где в отношении В.И. Котова повторил свои прозвучавшие на следствии доводы А.Н. Левшин, тот был *aposteriori* исключен из кандидатов в ВКП(б) «за сочувствие к контрреволюционной организации, за двурушничество» [З. Л. 28-30]. Одновременно и чиновники спецсектора областной прокуратуры дали заключение об утверждении обвинения и о направлении дела В.И. Котова на рассмотрение в Особое Совещание при НКВД СССР. Созданное постановлением ЦИК и СНК СССР 5 ноября 1934 г., оно могло присудить до начала в 1937 г. максимальный срок ссылки или заключения в 5 лет. Всего по Свердловской области ОСО НКВД по имеющимся сведениям [12] было осуждено в 1935 г. ок. 600 человек (см. табл. 1).

Таблица 1

**Статистика репрессивной деятельности УНКВД по
Свердловской области в 1935 г. [12]**

Исправительно-трудовые лагеря до 5 лет	Исправительно-трудовые лагеря до 3 лет	ссылка и высылка	прочие меры	освобождены	переданы в суд	всего
72 (12%)	154	100 (17%)	17	236	22	601

Согласно данным таблицы 1, практика Свердловского УНКВД в 1935 г. была еще относительно «либеральной» и находилась, как показывает «дело Котова и Стрельцова», под давлением партийных органов.

Решение ОСО в отношении В.И. Котова последовало лишь в начале июня 1935 г.: «за контрреволюционную деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на пять лет, считая срок с 8.02.1935 г.», то есть с момента ареста. Таким образом, он провел как подследственный в сщцкорпусе № 1 Свердловского УНКВД (внутренняя тюрьма)* около четырех месяцев [7. С. 297].

Дальнейшая судьба В.И. Котова и М.Л. Стрельцова в разной степени трагична. Первый погиб в БЕЛБАЛТЛАГе (Соловецкое отделение) за год до завершения своего срока летом 1939 г. [8. С. 96], второй умер от ран в боях под Витебском весной 1944 г. В 1956 г. оба обвиняемых были полностью реабилитированы [9. С. 297]. Показательны судьбы и ключевых фигур Свердловского областного УНКВД «эпохи Ягоды», оставивших след в «деле Котова и Стрельцова»: И.Ф. Решетова (первого после образования в июле

---

* Трехэтажная бывшая внутренняя тюрьма Свердловского УНКВД (находилась во дворе зданий по просп. Ленина, 17) была снесена в начале 2010 г.

1934 г. и по 1936 г. начальника УНКВД), П.А. Самойлова (в 1934-1936 гг. зам. начальника УНКВД); Н.Х. Ревина (в 1934-1937 гг. начальника секретно-политического отдела), А.В. Казанского (начальника первого отделения секретно-политического отдела, инспектора при начальнике УНКВД), В.А. Антонова (в 1934-1938 гг. секретаря УНКВД), И.Я. Ломбака (в 1934-1937 гг. начальника управления и штаба внутренней охраны УНКВД). Все они были в ходе так называемых «ежовских чисток» уволены из органов НКВД и подверглись репрессиям в конце 1930-х гг. [9. С. 290].

Эскалация репрессий начала 1930-х гг. против инженерно-технических работников негативно сказалась на работе УЗТМ, на его научно-технической базе, ослабила его кадровый потенциал. Урон, нанесенный прослойке квалифицированных ИТР, тем не менее «компенсировался», но уже кадрово-карьерной ротацией согласно констатации вышедшего в 1938 г. «Краткого курса ВКП(б)», что сталинский лозунг «Кадры решают все!» был успешно реализован в годы второй пятилетки [11. С. 120].

Источники:

1. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Фонд УФСБ РФ по Свердловской области. Дело № 21869-П «По обвинению Котова В.И. и Стрельцова М.Л. по ст. 58. (10) и (12) УК.

2. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 1020. Оп. 1. Д. 151. Л. 150, 156, 158.

3. ЦДООСО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 198. Л. 34.

Литература:

4. Авербах Л. Речь общественного обвинителя на судебном процессе 28.07.1934 г. по делу о пожаре кузнечно-прессового цеха УЗТМ. Свердловск, 1934.

5. Агеев С.С. Возвращение имени // За тяжелое машиностроение. 1989. № 192.

6. Агеев С.С., Бриль Ю.Г. Неизвестный Уралмаш: история и судьбы. Екатеринбург, 2003.

7. Дубинин С.И. Парадоксы советско-германских индустриальных связей 1930-х годов: Уралмаш - Рурская область // Вестник гуманитарного института ТолГУ. Тольятти, 2010. № 2(8).

8. Дубинин С.И. Человек, система и эпоха: инженеры Уралмаша в советско-германском сотрудничестве 1930-х гг. // Историческая наука и

историческое образование как факторы гуманизации общества: сб. науч. статей / Екатеринбург, 2012. Ч. 2.

9. Книга жертв памяти политических репрессий: Свердловская область. Екатеринбург, 2003. Т. 4.

10. Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928 - 1941 гг.). М., 2011.

11. Общество и власть: 1930-е годы / Отв. ред. А.К.Соколов. М., 1998.

12. Решения Особого совещания при НКВД СССР по территориальным органам. URL: <http://stalinism.ru/content/view/856/29/1/16/>

УДК 373.1

ББК

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

Т.3(2)534+4426.63

А.А. Кальсина

Пермь

**ШКОЛЬНАЯ РЕФОРМА ГРАФА П. Н. ИГНАТЬЕВА
(1915-1916 ГГ.) И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ
ИСТОРИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: реформа школы, историческое образование, Первая мировая война, министр народного просвещения П. Н. Игнатъев.

АННОТАЦИЯ: В статье представлен процесс развития отечественной школы в начале XX века, описаны поиски оптимальной модели реформы школы и наиболее прогрессивный проект – школьная реформа П.Н. Игнатъева (1915-1916 г), ставшая во главу угла проблемы исторического образования.

A.A. Kalsina

Perm

**SCHOOL REFORM BY THE GRAPH P.N. IGNATIEV
(1915-1916 AGES) AND PROBLEMS OF TEACHING
HISTORY**

KEY WORDS: reform school history education, the First World War, the Minister of Education P.N Ignatiev.

ABSTRACT: This article presents the development of the national school in the early twentieth century, describes the search for the optimal mod-